

Воспоминания находятся в тесной связи и зависимости от поэтического мира. Авторское «я» открыто присутствует в ретроспективном изложении событий. Отталкиваясь от своего личного жизненного опыта, автобиографический герой подобен лирическому «я» поэтов в своём стремлении поиска внутреннего «я», самораскрытия, самонаблюдения и самоанализе. Перед нами особый строй автобиографической личности, авторская индивидуальность которой определяется лирической, поэтической натурой автора.

Литература

1. Берёзкина Е. П. Исповедальное начало в венке сонетов А. Г. Румянцева «Признание» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2020. № 1. С. 50–55. Текст: непосредственный.
2. Витберг Ф. А. Поэзия Полонского — выразительница психических состояний автора: сборник историко-литературных статей. Москва, 1906. С. 328–344. Текст: непосредственный.
3. Гапоненко П. А. Мое сердце — родник, моя песня — волна. О поэтике Я. П. Полонского // Родная речь. 2005. № 2. С. 12–23. Текст: непосредственный.
4. Новокрещенных Е. Г. Воспоминания поэта Я. П. Полонского (на материале повести «Старина и мое детство»). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospominaniya-poeta-ya-p-polonskogo-na-materiale-rovosti-starina-i-moe-detstvo> (дата обращения: 20.05.2023). Текст: электронный.
5. Перцов П. П. Разносторонность и отзывчивость музы Полонского / Я. П. Полонский: сборник историко-литературных статей. Москва, 1906. С. 344–364. Текст: непосредственный.
6. Полонский Я. П. Стихотворения. Ленинград: Сов. писатель, 1957. 363 с. Текст: непосредственный.
7. Полонский Я. П. Признания Сергея Чалыгина. Женитьба Атуева. Воспоминания // Соч.: в 2 т. Москва: Худож. лит., 1986. Т. 2. 463 с. Текст: непосредственный.
8. Полонский Я. П. Старина и мое детство. URL: http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/text_1891_starina.shtml (дата обращения: 20.05.2023). Текст: электронный.
9. Федосеева Т. В. Творчество Я. П. Полонского: о направлениях современного изучения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-ya-p-polonskogo-o-napravleniyah-sovremennogo-izucheniya-1> (дата обращения: 20.05.2023). Текст: электронный.
10. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). Москва; Ленинград: ACADEMIA, 1934. 586 с. Текст: непосредственный.

Научная статья

УДК 82

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-47-52

ВЕНЕЦИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: В. Ф. ХОДАСЕВИЧ, П. П. МУРАТОВ

© Гаврилова Лариса Ивановна

кандидат филологических наук,

независимый исследователь,

Россия, 305004, г. Курск, ул. Семеновская, 77

laragavs@mail.ru

Аннотация. В центре внимания в статье образ Венеции в литературно-критическом сознании писателей первой волны русской эмиграции. На примере работ В. Ф. Ходасевича и П. П. Муратова особое внимание уделяется Венеции как городу разлук и одиночества, городу открытий, внутреннего поиска и противоречий. Осмысливается русская литературная Венециана в целом. Кроме того, подчеркивается роль и значение Италии в судьбе русских эмигрантов и ее влияние на их творчество, на формирование русской эмиграции как самобытного историко-культурного явления. Важен процесс не только сохранения, но и приумножения русской культуры, русского духа на чужбине, особый вклад русских писателей в историю развития европейской культуры в целом.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Венеция, литературный критик, писатель, В. Ф. Ходасевич, П. П. Муратов, Италия в русской литературе, русская эмиграция, венецианский текст, образ Венеции.

**VENICE IN THE LITERARY AND CRITICAL CONSCIOUSNESS
OF RUSSIAN ABROAD WRITERS:
V. KHODASEVICH, P. MURATOV**

Larisa Iv. Gavrilova

PhD in Philology, independent researcher,
77, Семеновская St., 305004 Kursk, Russia
laragavs@mail.ru

Abstract. The focus is on the image of Venice in the literary-critical consciousness of the writers of the first wave of Russian emigration. On the example of the works of V. F. Khodasevich and P. P. Muratov pays special attention to Venice as a city of separation and loneliness, a city of discoveries, internal search and contradictions. Russian literary Venice as a whole is comprehended. In addition, the role and importance of Italy in the fate of Russian emigrants and its influence on their work in general, as well as contributing to the formation of Russian emigration as an original historical and cultural phenomenon, which influenced, among other things, the process of not only preserving, but also increasing Russian culture, is emphasized. , the Russian spirit in a foreign land and made a special contribution to the history of the development of all European culture as a whole.

Keywords: Russian literature abroad, Venice, literary critic, writer, V. F. Khodasevich, P. P. Muratov, Italy in Russian literature, Russian emigration, Venetian text, image of Venice.

Италия занимает особое место в русской литературе и шире — в русской культуре. Италией восхищались, ее воспевали, ей поклонялись, у нее учились. Ее культурное наследие, сам итальянский дух и красота, как связующее звено всех сторон итальянской жизни, волновали не одно поколение русских прозаиков и поэтов. Для А. С. Пушкина, например, Италия стала страной, представляющей «заповедным краем творчества и свободы, а значит, и свободы творчества» [3, с. 13]. Неудивительно, что революционные события в России 1905 и 1917 гг. привели многих деятелей русской культуры в Италию, для части из которых она стала основным пристанищем, второй родиной, помогающей не только сохранить, но и приумножить русскую национальную культуру, расширить представление европейского мира о ней, а также укрепить русско-итальянское взаимодействие, выводя культурный диалог между двумя странами на новый уровень. «Русская эмиграция в Италии если не количественно, то качественно представ-

ляла собой очень интересное историко-культурное и социально-политическое явление» [4, с. 11].

Среди всех итальянских и даже европейских городов Венеция как город и место имела особый статус и особую значимость. На это влияли особое географическое расположение Венеции, ее необычная, притягательная красота, но в большей степени само ощущение особой принадлежности к особому городу. Поэтому вопрос «Кто ты, итальянец или венецианец?» совершенно не случаен. Своеобразие Венеции, в чем-то граничащее с причудливостью, прослеживалось во многом: в самом стиле жизни города, его культурном коде, в том, как человек погружался в его удивительное пространство.

Русской интеллигенции Венеция представлялась не столько особым миром, сколько мечтой о земном рае. Русская Венециана — это не только уникальный литературный мир, но еще и некое место для обращения к национальному сознанию. Даже самые малые негативные представления о Венеции не поддерживаются, ведь самое важное — сохранить этот город и весь комплекс чувств, с ним связанный.

Отметим, что «Венеция всегда воспринималась русским сознанием как неотъемлемая часть европейской культуры, как ее квинтэссенция, нечто не постижимое, бесконечно притягательное и одновременно глубоко чуждое русскому духу» [5, с. 47]. О последнем в своих письмах и статьях рассуждал ведущий критик русского зарубежья В. Ф. Ходасевич. Если в начале XIX в. Венеция представляла собой идиллический образ, город-рай, город-мечту с налетом умиротворения, любви и безмятежности, то через столетие, в частности в поэзии Серебряного века, уже наблюдается ощущение трагизма и диссонанса. В это время в изображении Венеции прослеживается мотив увядания и смерти, драматизма всего происходящего. Ей были посвящены различные фундаментальные монографические исследования, изучались отдельные аспекты «венецианской проблемы», а также жизнь и творчество самых ярких ее представителей.

В начале XX в. расширяются и пространственные границы Венеции в русской литературной Венециане [12]. С одной стороны, все еще продолжает сохраняться восприятие Венеции как обособленного пространства с его особой миссией в европейском мире. С другой, общий интерес к проблемам пространства ведет к тому, что русские писатели начинают акцентировать внимание на культурно-исторической целостности и ценности Венеции в сравнении с ее пространственным окружением, с не-Венецией. С этого времени литературная Венеция представляется как город с окрестностями, с окружающим пространством.

Обратим внимание, что для Ходасевича Италия не стала окончательным пристанищем на чужбине. Большую часть своей эмигрантской жизни он провел во Франции. При этом итальянская культура и искусство оставили своей неповторимый след в его литературно-критическом наследии. Еще в 1911 г. он поделился своими впечатлениями об Италии и итальянцах в одном из своих писем к С. В. Киссину (Муни), в котором продемонстрировал выработанную им самим формулу итальянского мировоззрения — «не творят, а делают». Он писал: «Итальянцы не хуже своих предков — или не лучше. Господь Бог дал им их страну, в которой что ни делай — все выйдет ужасно красиво. Были деньги — строили дворцы, нет денег — взгромоздят над морем лачугу за лачугой, закрутят свои переулочки, из окна на ветер вывесят рьжие штаны либо занавеску, а вечером за-

жгут фонарь — Боже ты мой, как прекрасно! Здесь нет никакого искусства, ей-Богу, ни чуточки. Что они все выдумали? Здесь — жизнь, быт — и церковь... Понюхал бы ты, как они воняют: морем, рыбой, маслом, гнилой зеленью и еще какой-то специальной итальянской тухлятиной: сыром что ли? А выходит боже-ственно! Просто потому, что не “творят”, а “делают”» [8, с. 385]. В этом отрывке создается образ настоящей Италии, без какой-либо идеализации, со всеми ее несовершенствами и в то же время достоинствами. Естественность во всем и возможность неспешно наслаждаться дарами жизни. Вот такой предстала Италия того времени для Ходасевича: страной, где не может быть некрасиво, где определение «не творят, а делают» является основой итальянской картины мира.

Его первая поездка по Италии, продлившаяся почти два месяца, способствовала созданию его «Ночного праздника», напечатанного в «Московской газете» в 1911 г. В этой работе Ходасевича Венеция предстает живой и открытой к диалогу, абсолютно естественной и неповторимой. Критик относится к ней с неподдельным интересом и восторгом. В большой степени автор стремился развеять представление о Венеции как о «мертвом городе», и в этом отношении он был не одинок.

Пребывание в Италии для эмигранта Ходасевича началось с февраля 1924 г. В одном из писем он писал: «Берлин русский разъезжается, кто куда. Надо ехать и мне... Ехать можно в Париж, в Прагу или Италию. Париж очень дорог, Прага — бездарное место с совершенно озверелой эмиграцией. Италия всех дешевле и всех дальше от эмигрантщины» [7, с. 468]. В течение двух месяцев Ходасевич посетил несколько итальянских городов, среди которых была и Венеция. Нина Берберова вспоминала по этому поводу: «И вот мы в Италии. Сперва неделя в Венеции, где Ходасевич захвачен воспоминаниями молодости и где я сначала подавлена, а потом вознесена увиденным... В Венеции Ходасевич был и окрылен, и подавлен: здесь когда-то он был молод и один, мир стоял в своей целостности за ним, еще не страшный. Теперь город отбрасывал ему отражение того, что есть: он не молод, он не один, и никто и ничто не стоит за ним, защиты нет» [2, с. 249–250].

В эмигрантский период жизни происходит полная трансформация в восприятии Венеции Ходасевичем. И это не случайно. По всей видимости, тяготы пребывания на чужбине отображаются на всем, что его окружает. Оказавшись в 1924 г. в Венеции, в одном из своих писем к В. Г. Лидину Ходасевич пишет: «Для Венеции нужна беззаботность, точнее — способность предаваться чистому лиризму (любой окраски). А вот ее-то поубавилось» [9, с. 471]. Некое разочарование Венецией привело критика к осознанию того, что лиризм, свойственный этому городу, сменился трагической пустотой и одиночеством. А обратившись ровно через десять лет вновь к венецианской теме, он констатирует исчезновение города-причуды с романтическим налетом, а также «романтической возлюбленной, “царевны” (“изумительного и нарочитого создания”）」 [1, с. 521–522].

Отметим, что тема одиночества в Венеции прослеживается уже в работе «Город разлук» (1911). Созданию данного очерка послужила встреча в Венеции с Б. А. Грифцовым. Их совместные прогулки по городу, пережитые любовные истории во многом объединили их, в результате чего созданные ими в одно время произведения, посвященные венецианскому периоду жизни, отличались схожестью в сюжетных линиях, совпадениями в персонажах и даже тональностью.

Речь идет о рассказе Грифцова «Дни в Венеции», посвященному Ходасевичу, и очерке самого Ходасевича «Город разлук». И если в начале работы автор все еще проникнут большой любовью к Венеции, изумляется тишине, совершенно не свойственной этому городу, утверждает, что «из всех городов земного шара Венеция наименее может считать себя чем-нибудь обязанной природе. Напротив, вся она — какое-то изумительное и нарочитое создание человека» [10, с. 13], то уже ближе к концу повествования автор в достаточно категоричной форме заявляет о Венеции как о городе разлук, где «для того, кто задумал пропасть навсегда без вести, — путь лежит через Венецию: здесь скоро разлюбишь бывшее, от всего оторвешься без боли и легко пойдешь куда глаза глядят... Нет, не пускайте влюбленных в Венецию. Там цепи становятся паутиной. Там учишься великому искусству: разлюбить» [10, с. 14–15].

В этом же 1911 году П. П. Муратов (1881–1950) начал публиковать свои эссе «Образы Италии», книгу, состоящую из трех томов. Первые два тома были выпущены в 1911–1912 гг., третий — уже в условиях эмиграции. Муратов был большим знатоком Италии и всего того, что с ней было связано. Он часто путешествовал по этой стране. В книге автор стремился к показу Венеции как яркого и самобытного места в итальянской культуре и искусстве, как абсолютного эстетического феномена, даже в сравнении со всем тем, что было создано в итальянском мире.

Так же, как и многие его современники, Муратов пытался показать Италию по-новому, подготовить новое открытие этой страны для развития нового мироощущения. Самостоятельную главу в своей книге он посвятил маскарадно-карнавальному духу Венеции и театру Гоцци¹.

В целом Венеция у Муратова предстает в разных ракурсах: от возвеличивания до несовершенства с нотами одиночества. О последнем он пишет так: «Венеция часто дает испытывать одиночество, она не утешает и не просветляет, как Флоренция или Рим... Стоит немного отойти вглубь от Сан-Марко, чтобы почувствовать наплыв иных чувств... Вода странно приковывает и поглощает все мысли, также, как она поглощает здесь все звуки, и глубочайшая тишина ложится на сердце» [6, с. 6]. У Муратова прослеживается мысль о том, что настоящую или прежнюю Венецию нужно искать в великих произведениях ее художников, что на самом деле существует две Венеции: та, что мы созерцаем сейчас, и та, что была до нас. И он задается вопросом «И самые эти воды — не воды ли смерти, забвения?» и дальше говорит о том, что «нынешняя Венеция — только призрак былой жизни, и вечный праздник на Пьяцце — только пир чужих людей на покинутом хозяевами месте» [6, с. 7].

Таким образом, Венеция, как для В. Ф. Ходасевича, так и для П. П. Муратова, стала мерилom внутренней трансформации и осознания общей картины мира. Каждый раз, возвращаясь к Венеции, авторы — вне зависимости от этапа жизни — пытались увидеть в ней нечто новое, способное разбудить в сознании личности то целостное и уникальное, что обогащает внутренний мир и делает его осмысленным и наполненным.

---

¹ Впоследствии это вдохновило В. Ходасевича на перевод сказки Гоцци «Принцесса Турандот». Перевод, к сожалению, не был завершен в связи с личными трудностями у критика.

Литература

1. Андреева И. П. Комментарии // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
2. Берберова Н. Н. Курсив мой: автобиография. Москва: Согласие, 1996. 36 с. Текст: непосредственный.
3. Букалов А. М. Пушкинская Италия: записки журналиста. 2-е изд. Санкт-Петербург: Алтейя; АНО «Женский проект СПб», 2007. 352 с. Текст: непосредственный.
4. Шеметова Т. Г. Венецианский текст в русской литературе XX в. // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып. 1. С. 22–28. Текст: непосредственный.
5. Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: исследования и материалы. Кн. 1. Москва: Викмо-М: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына: Русский путь, 2011. 456 с. Текст: непосредственный.
6. Криницын А. Б., Гальшева М. П. Венецианский текст в русской поэзии XIX–XX веков // *Literra*. 2018. № 1. С. 29–47. Текст: непосредственный.
7. Муратов П. П. Образы Италии. Москва: Изд-во АСТ, 2022. 960 с. Текст: непосредственный.
8. Письмо А. И. Ходасевич из Мариенбада от 7 ноября 1923 г. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
9. Письмо В. Ф. Ходасевича С. В. Киссину (Муни) от 1 июля (18 июня) 1911 г. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
10. Письмо В. Ф. Ходасевича В. Г. Лидину от 18 марта 1924 г. // Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Москва: Согласие, 1997. 744 с. Текст: непосредственный.
11. Ходасевич В. Ф. Город разлук // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Москва: Согласие, 1997. 592 с. Текст: непосредственный.
12. Шеметова Т. Г. Венецианский текст в русской литературе XX в. // Вестник Бурятского госуниверситета. Сер. Филология. 2020. Вып. 1. С. 22–28. Текст: непосредственный.

Научная статья

УДК 398(=512.31)

DOI 10.18101/978-5-9793-1876-9-52-57

БРОДЯЧИЙ СЮЖЕТ В БУРЯТСКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

© **Васильева Софья Владимировна**

учитель русского языка и литературы,

Гимназия № 14, г. Улан-Удэ

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Чертенкова, 3

sofia080164@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации одного и того же сказочного сюжета в культурах разных народов мира. Прослеживаются наглядные линии межнациональных фольклорных связей, обосновывается влияние быта, менталитета на развитие сюжетных линий, на мотивную сказочную традицию. На примере ряда популярных сказок доказывается очевидность параллелей сказочных сюжетов разных народов. Производится сопоставление бытовых сатирических сказок в русском и бурятском фольклоре, волшебных сказок о зайце, сменяющем цвет шкурки в зависимости от времени года, и о царевне-лягушке. Дается интерпретация текстов бурятских сказок, на основе которой делается вывод о наличии устойчивого бродячего сюжета и переменных параметров, связанных с региональными особенностями, национальным менталитетом.